

- Судя по закопченности, камин играет в вашем доме отнюдь не декоративную роль.
- Очень функциональная вещь. В холода только благодаря ему, камину, и спасаюсь.
- А вы много времени проводите на даче?
- К сожалению, нет. Только когда совсем выдыхаюсь в городе, на пару дней убегаю сюда... Честно говоря, не хотелось бы, чтобы вы об этой даче много писали. Говорят, она не сочтается с моим имиджем, поэтому лучше скрывать сам факт ее существования.
- Вы всегда приспуживаетесь к тому, что вам говорят?
- Не в том дело... Когда я еду по городу на машине, ко мне постоянно подходят у светофоров дети, старики с протнотой рукой, и я подаю, подаю... Вижу, что огромное число россиян живет убогающе, и на этом фоне становится неловко за собственное благополучие. Как бы стыдно признаться, что у тебя все хорошо. Вы не согласны?
Наверное, все дело в том, что я помню время, когда не я подавала, а мне. Вы можете представить, что я получала сорок два рубля в месяц, когда нормальная зарплата была сто рублей?
- Это где же вам такие деньги платили?
- В московском ТЮЗе. Потом положили 67 рублей и только через несколько лет, когда я была уже заслуженной артисткой республики, дали сначала 120 рублей, а затем целых сто восемьдесят. С этой зарплатой я пришла в «Современник» и еще лет десять на ней просидела.
- Вы не просили, а вам не давали?
- Однажды я даже попросила. Пошла в управление культуры и сказала: «Мне семнадцать лет не повышали зарплату. Нельзя ли добавить?» Мне ответили: «Добавим». После этого в театр пришла бумага, в которой черным по белому было написано, что артистке Ахеджаковой устанавливается ставка... 120 рублей. То есть на шестьдесят рублей меньше, чем было! Ужас! Переполох в театре поднялся жуткий. Я же никому не сказала, что ездила в управление, постеснялась признаться. Правильно говорят: никогда ничего не проси.
- Но потом-то справедливость восторжествовала?
- Мне дали 220 рублей, это была последняя моя зарплата перед этой свистопляской с тысячами.
- В одном из интервью на вопрос, не ревнует ли вас Галина Волчек к работе в кино, вы ответили, что ревнуют, когда любя.
- Мы же в театре собрались не для группен секса. Как говорил покойный Виктор Ефимович Арохов, мухи - отдельно, котлеты - отдельно. Я не претендую на человеческую любовь Галины Борисовны. Достаточно того, что главный режиссер работает со мной, значит, ценит. Ведь было же время, когда в театре мне не находилось места. Я долго пробыла в «Современнике», не будучи ему нужной. Если бы не Виктук, я бы, наверное, сгнила бы к чертовой матери.

- «Коломбина»?
- Да, это спектакль, который сделал мою судьбу. Давно бы пора перестать его играть, а я никак не могу остановиться... С этим спектаклем Виктук вывел меня на сцену, продлил мою жизнь на ней.
- Что не помещало вам разойтись с Романом Григорьевичем.
- Бывает, что и дружные семьи распадаются через десятилетия, а работа для меня по-прежнему, чем семья. Виктук не сочтается с моим имиджем, поэтому лучше скрывать сам факт ее существования.
- Вы не прощаете обид?
- Господи, конечно, прощаю! Но Виктук стал злоупотреблять доверием и добрыми чувствами самых близких друзей, принялся вываливать на нас испражнения собственной души. Вынести это было нелегко, но особенно для людей, любящих Виктюка.
Разрыв с Романом Григорьевичем усугубился личными обстоятельствами, я переживала трудный период в жизни... Я вам все расскажу, если пообещаете, что смеяться не будете. Хорошо?
Несколько лет назад я почувствовала, что да меня... напустили порчу. Если вы читали Кортасара, то должны меня понять. Помните: сделать фигуру врага, воткнуть ей в грудь иглы и ждать, пока соперница умрет от рака. Каббала этим занималась, древние инки и жители Тибета... Глупости, фантазия? А я поверила, что человека можно свести в могилу мыслью, ненавистью, злым взглядом. Здорового бугая ничего не стоит скрутить в бараний рог.
- У вас были основания, чтобы в это поверить?
- Много всякого случилось. Во время спектакля я упала на сцене и получила тяжелейшее, с последствиями сотрясение мозга. Когда через десять дней начала снова репетировать, мне на голову вдруг со всего маху села партнерша, которая не удержалась на каблучках. Проходит еще немного времени, и со стены срывается картина, мой собственный портрет. Падающая рама рассекает мне лицо и повреждает тройничный нерв...
Началась какая-то странная жизнь. Я без всяких видимых причин тяжело заболела, меня неожиданно подвел позвоночник, потом чередой пошли ав-

томобильные аварии, напасти посыпались на мою семью. В конце концов здоровье окончательно отказало, впечатление, что земля меня не держала. Что делать?
Плюнув на все, через «верить - не веришь» я пошла снимать порчу. Даже не пошла, меня отвели, поскольку самостоятельно я уже не могла предвидеться. Предраассудки, мистика - мне уже было все равно, что люди скажут... Помню, отчитывали молитвы, горели свечи, все витало в дыму...
Называйте это, как хотите, можете считать меня дремучей и суеверной, но факт, что вскоре я перестала болеть и жуткая неудачливость из моей жизни ушла. Только бы снова не сглазить!
- Вам назвали источник всех бед?
- Мне обрисовали человека, наставшего порчу, но я так и не смогла по приметам понять, кто же это. Да и столь ли важно, как зовут моего недруга? Я поняла главное: мысль материальна. В Библии сказано, что словом можно убить, но, оказавшись, и мысль - страшное оружие. Невольно начинаешь жалеть о собственной несдержанности и жестокости - даже не высказанной вслух.
- Вы - жестокая?
- Иногда бываю. Хотя с годами училась терпимости.
- У вас репутация человека без локтей. Значит, этот образ не вполне соответствует действительности?
- Да, могу быть агрессивной. Очень не люблю в себе это, но куда деваться?
- В последнее время вы много играете в спектаклях по пьесам Николая Коляды, герои которого используют лексику... как бы это назвать? вскую разную. Вас язык «челноков» не коробит?
- «Челноки» тоже разными бывают, есть среди них и доктора наук... А моя героиня Зина не может говорить на русском литературном, она его не знает, понимает? У Зины свой сленг, зекский язык. Какой персонаж, такая и речь. Я ведь каждый день езжу мимо «Лужников», этого бывшего стадиона, превращенного в огромную барахолку. Пока протолкнешься на машине между тяжелыми сумками на колесиках, такого наслушаешься...
- С этими людьми вы говорите по-всякому, по-разному?
- Меня не удивили и не смутишь матерным словом, правда, я все же стараюсь обходиться без соленых выражений. Все-таки меня узнают на улицах, станут потом показывать пальцами, рассказывать, как Ахеджакова крыла всех.
- Но однажды, слышал, вы не удержались и доходячиво объяснили инспектору ГАИ все, что о нем думаете. Гаишник вас понял?

фото Александра Юсфаского

Лия АХЕДЖАКОВА:

Если умирать, так от любви РАЗДЕЛЕННОЙ

Камин не горел, но при известной фантазии можно было представить, как здесь тепло и уютно зимними вечерами. От печки, то есть от камина, мы и начали разговор с Лией Меджидовой...

- К сожалению, так. Не передать словами, сколько сил я потратила, чтобы добиться выхода на экран фильма «Вино из одуванчиков», в котором божественно сыграл Иннокентий Смоктуновский. Картина снимается шесть лет - по кадру в день! Хотя бы ради памяти перед великим артистом стоит озвучить фильм и показать зрителям. Но - нет денег. Где мы только не просили! Последний шаг, на который я решилась, - это обращение к Нине Иосифовне Ельциной. Она очень любит артистов, как-то даже устроила дивный обед для любимых актрис своей юности. И я тогда случайно попала на этот девичник.
- Так ли уж случайно?
- Честное слово, не знаю, почему меня позвали... Я ведь помню: «Храни нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь». Резо Габриадзе,

к примеру, говорит о себе так: четырежды не лауреат Государственной премии.
Словом, я нагло бросилась к Нине Иосифовне и рассказала о фильме. Как только она услышала, что речь о последней роли Смоктуновского, сразу все поняла. Были выделены большие деньги, все решилось буквально в течение одного дня.
- А как иначе, если за дело берется жена президента?
- Но у первой леди есть дела и поважнее, чем поиск средств для кино... Наина Иосифовна даже домой мне звонила, чтобы узнать, дошли ли средства.
Дойти-то дошли, но все равно полученной суммы не хватило. Жаль. Это ведь была и моя последняя работа в кино.
- Неужели вы шесть лет не снимались?
- Да. На экране продолжают крутить старые фильмы с мо-

им участием, поэтому сохраняется эффект присутствия, но... Боюсь, я ушла из кино навсегда. Вряд ли доживу до времен, когда снова стану сниматься.
- У вас есть театр, а на черны день - знания, почерпнутые в институте цветных металлов. Вы ведь еще не забыли: не все золото, что блестит, верно?
- Ой, напомнили институт! Те полтора года были выброшенным временем. Хотя, с другой стороны, именно тогда меня потянуло в художественную самостоятельность. Не случись этого, может, и не стала бы актрисой.
Я ведь ехала в Москву, даже не думая об артистической карьере. Мечтала о журналистике и по сей день жалею, что не сбилось. Поступала в университет, провалилась, пошла куда ни попадя. У меня ведь была золотая медаль, поэтому могла выбирать.

- Как же вы, медалистка, умудрились срезаться?
- О, Боже! Мне нельзя волноваться. Никогда! А на собеседовании в МГУ я так распахивалась, что собственное имя забыла. Мой любимый роман «Герой нашего времени», меня стали спрашивать о Вере, я же рот открыл не могу - ничего не помню. Ужас! Так умерла мечта. Только и увидела, где учат на журналистов. Второй раз на журфак я попала спустя много лет - меня пригласили на встречу со студентами.
А тогда мне казалось, что жизнь кончилась. Поучилась в институте цветных металлов, бросила, уехала в Майкоп. Потом был набор в альтегскую студию ГИТИСа, меня взяли, сделав послабление - все-таки дочка главного режиссера местного театра...
- Значит, вас приняли по благу?

- По благу, по благу... Хотя, надо сказать, папа считал, что мне не следует быть актрисой, мол, не те данные. Мне и позже много раз повторяли, что напрасно я на сцену полезла. За долгие годы настолько привыкла к неостребованности, что даже растерялась в момент, когда появился спрос на меня. К сожалению, ушло очень много ролей, которые я могла бы сыграть, но уже не сыграю.
- С Рязановым вы разошлись окончательно?
- Надеюсь, Эльдар Александрович позовет, когда найдет что-то для меня. Я очень люблю Рязанова и... и верю, что он обо мне не забудет.
- А так чтобы самой прийти и предложить себя?
- Как можно?! Режиссер не должен обслуживать актеров.
- Но в свое время вы же решились поступить в дверь «Современника».
- Я не сама стучала, меня Валера Фокин рекомендовал. Это он перевел меня из ТЮЗа в «Современник», за что я Валере буду вечно благодарна.
- Значит, Фокину вы обязаны и всенародной любовью?
- А вы напрасно думаете, что меня прямо-таки все любят. После своего телевизионного выступления в октябре 93-го я столько врагов приобрела, что не сосчитать. Некоторые меня просто возненавидели.
- Фиги в карманах крутили?
- Иногда в спину проклинали, а порой открыто гадости в лицо говорили. Особенно неприятно, что я встретила много злобы в среде коллег. Приезжала на гастроли куда-нибудь в Самару и читала о себе слова Меншкова, что это я, оказывается, расстреляла «Белый дом»... А Варлей... как ее имя? Наталья Варлей в газете «День» прямо заявила, что Ахеджакова должна ответить за пролитую кровь.
- Когда-то ведь вас и камнями встречали?
- Да. В Татарии. Старушки, божьи одуванчики, били по лицу. Видно, им заплатили. Ой, не хочу вспоминать! Наверное, я сама напросилась, не нужно было высовываться.
- Будто вы могли дома отсидеться.
- Не знаю, а вдруг могла? Заранее такие вещи не планируются, никогда не угадаешь, как себя повелю. Расскажу случай. Как-то журналисты меня спросили: что вы будете делать, если вас станут грабить? Я ответила: когда будут, тогда и посмотрю. И в тот же вечер уехала в Смоленск на гастроли.
Ночью вдруг проснулась от того, что в купе сидит огромный мужик в черном и роется в моей сумке. Тут я и узнала, как поведу себя в роли жертвы ограбления.
- И как же?
- Весьма странно. Я так визжала и орала, что проснулся весь вагон. Мужик стал кидать мне мои деньги и уговаривать замолчать. Я понимала, что он может попытаться меня ножом, чтобы я заткнулась, и от страха голосила еще громче. Никогда не думала, что смогу так вопить.
- Очень испугались?
- Не то слово! Это был не просто грабитель, а живая материализация зла - что-то ог-

ромное, черное. По внешним данным грабитель таянул не на мелкого вора, а как минимум на подрывателя поездов. Помню, я даже спросила: «Ты кто?» Этот человек ответил: «Ныкто. Замолчы», - и растворился в ночи, как чеширский кот.
Я к чему это рассказала? Свое поведение глупо моделировать или прогнозировать. Не дай Бог, еще высовываться придется...
Вообще-то мне по статусу полагалось бы быть слабой, беззащитной, но жизнь показывает, что слабый человек может выдержать тонну, как йог. На него поставили грузовик, сверху усадили толпа людей, а йог все жив - дышит и дышит. Так и я. Но эта сила - от необходимости. Да разве я одна такая? Людям по году зарплату не платят, а они живут. У матерей армия сыновей отбирает, а они, осиротевшие матери, живут...
- Можете, действительно, одному лучше? Помните, как в «Иронии судьбы»: «Если у вас нету дома, пожары ему не страшны...» В одиночку выжить легче?
- Не знаю. Я верю, что все испытания нам ниспосланы свыше. Впрочем, я бы, наверное, говорила иначе, если у меня ребенок погиб в Чечне.

- Когда-то ведь вас и камнями встречали?
- Да. В Татарии. Старушки, божьи одуванчики, били по лицу. Видно, им заплатили.
Наверное... Однажды у Нишше я прочла странную фразу: когда на свете рождается ребенок, красивых, сильных мальчиков, Господь торопится забрать их к себе. Поэтому начинаются войны.
Наверное, в России и в Чечне выросло красивое поколение...
- Имей вы сына-призывника, отпустили бы его на войну?
- Как будто есть варианты! Не руки же рубить!
- Можно спрятать, увезти куда-нибудь подальше.
- Наверное. Но ведь осталась еще какая-то порядочность: весь класс пошел бы на войну, а я своего прятала бы? Трусиха я, конечно, страшная, но совесть не потеряла и, как Нина Андреева, принципами не попустилась.
- Трусиха - это вы о чем?
- Обо всем. Я боюсь темноты, своего подъезда, инопланетян... Но деваться некуда. Страх с годами притупился, хотя по ночам, когда еду на дачу, всегда в ужасе жду, что сейчас спустится НЛО и меня заберет.
- Кружатся?
- Ой, что вы! Тут все вокруг говорят, что в наших местах полно инопланетян...
НЛО - что? Одно время вполне реальные люди обещали взорвать мою машину, а потом в день рождения мамы разорили ее могилу. Это было страшно. Представляете: единственное надгробие на Внуковском кладбище, которое

разбили, - мамино. Папа. 80-летний старик, когда увидел все, на четвереньки рухнул.
- Кто это мог сделать?
- Не исключаю, что ниточки тянутся к Конторе.
- ФСБ? Вы stalkивались с этой организацией?
- Никаких дел не имела, за исключением единственного случая. Когда я работала в ТЮЗе, то дружила с французам. Один из этих ребят был совершенно неумным, все мечтал устроить революцию - коммунистов очень не любил. Этого пареня и его невесту мы с моим мужем пустили пожить в нашу квартиру, а сами съехали. Тогда меня и вызывали в КГБ, требовали рассказать о контактах с иностранцами. Больше с чекистами я не пересекалась, но случившееся на кладбище напоминает их стиль.
- Но должен ведь быть повод.
- Ума не приложу. Я не общественный деятель. Никогда не была ни делегатом, ни каким-нибудь председателем. Самый высокий пост, который занимала в своей жизни, - это звание пионерского отряда. Но и эта должность не принесла мне радости...
Давайте о чем-нибудь приятном поговорим. По гороскопу я Рак, поэтому мне предназначено быть домашним челове-